

Polylogos. 2013-2024

ISSN 2587-7011

URL - <http://polylogos-journal.ru>

All right reserved

N 2 Volume 8. 2024

Civilizational Choice. Scottish aristocrat Paul Menzies (Pavel Gavrilovich Menesius) - the first mentor of the Tsar-reformer Peter Romanov

Alexey Kara-Murza

RAS Institute of Philosophy

12/1, Goncharnaya Str., 109240 Moscow, Russian Federation

Abstract

The article explores the role of the Scottish aristocrat Paul Menzies (Pavel Gavrilovich Menezius) (1637-1694) in the early education of the Russian tsar-reformer Peter Alexeevich Romanov. The history of the appearance of the young Scotsman-northern, who received a brilliant education in Europe, in the Moscow kingdom, his military and diplomatic career is traced. It is suggested that the special place occupied by Paul Menezesius in the old Moscow elite was due not only to his unconditional intellectual abilities, but mainly to his proximity to the “chancellor” Artamon Matveev and the new father-in-law of Tsar Alexei Mikhailovich, K.P. Naryshkin, and his family, first of all to Peter's mother Natalia Kirillovna Naryshkina. The role of Menzies-Menesius in the formation of the “North European” worldview of young Peter Romanov is confirmed by the unprecedented honors that were given by Tsar Peter at the burial of Paul Menesius in the “foreign” cemetery in Maryina Roshcha in 1694.

Keywords list (en): Russia, Paul Menzies (Pavel Gavrilovich Menesius), Tsar Alexei Mikhailovich, Peter Alexeyevich Romanov, the Naryshkins, Orthodoxy, “Westernization”

Date of publication: 11.08.2024

Citation link:

¹ Предисловие

² Петр Великий – уникальный феномен отечественной истории, решительно развернувший приоритеты русской геополитики и культуры¹. Расхожее утверждение, что царь Петр был «западником», открывшим для России «окно в Европу», нуждается в серьезной коррекции: достижения западной цивилизации понадобились Петру для того, чтобы возродить изначальную, северянско-варяжскую традицию Руси/России. Известный этнолог и антрополог А.В. Головнев, активный сторонник концепции «русской северности», пишет о замыслах Петра Великого следующее: «Принято считать, что Петр I в своих реформах отвернулся от старорусских традиций в пользу европейских новшеств. На самом деле он отказался от ордынско-московской традиции и вернулся к древнерусским корням, возродив ось/путь “из варяг в греки” и идею междуморья в обновленном имперском измерении... Царь Петр развернул свою геополитику прежде всего по оси Север – Юг, между Балтийским и Черным морями. Подобно своим далеким предшественникам, древнерусским князьям, он строил “империю флота” с ключевыми портами на севере и на юге, только на этот раз место Ладоги занял Петербург, а Киева – Воронеж»².

³ Вопрос о том, кто были первыми учителями юного Петра Алексеевича Романова (1672–1725), последнего сына русского царя Алексея Михайловича (1629–1676) от его второй жены Натальи Кирилловны, урожденной Нарышкиной (1651–1694), – очень давний и дискуссионный вопрос в отечественной историографии. В нашем сознании закрепился стереотип, будто первыми наставниками, развернувшими юного Петра в сторону Запада, были два иноземца из московской Немецкой слободы: шотландец-католик Патрик Гордон – опытный офицер-наемник, увлекший юного Петра перспективой радикальной реформы русской армии; и женевец-кальвинист Франц Лефорт, человек многих талантов, но явно авантюрного склада (называть его «швейцарцем» неверно, ибо в те времена Женева еще не входила в Швейцарскую конфедерацию).

⁴ Распространению этого стереотипа во многом поспособствовал наш великий историограф Николай Михайлович Карамзин, который, еще обучаясь в пансионе философа-немца Шадена в Немецкой слободе³, увлекся фигурами Лефорта и Гордона, искал в Немецкой слободе их могилы и, кстати, обе не нашел⁴.

⁵ В своих ранних либерально-западнических «Письмах русского путешественника» Карамзин с симпатией (хотя и кратко) отозвался о яркой фигуре «ле Форта»⁵. Зато двадцать лет спустя, в своем уже консервативно-охранительном манифесте «Записка о древней о новой России» (1811), Карамзин дал полный простор своим инвективам в адрес того же Лефорта и, как он говорил, «*лефортова дела*»: «К несчастью, сей государь (т.е. Петр. – А.К.), худо воспитанный..., узнал и полюбил женевца Лефорта, который от бедности захватил в Москву и, весьма естественно, находя русские обычаи для него странными, говорил ему (т.е. Петру. – А.К.) об них с презрением, а всё европейское возвышал до небес. Вольные

общества Немецкой слободы, приятные для необузданной молодости, довершили Лефортово дело, и пылкий монарх с разгорячённым воображением, увидев Европу, захотел делать Россию – Голландиею»⁶.

⁶ Этот поздне-карамзинский стереотип и по сию пору гуляет по литературе, в т.ч. учебникам истории, кочует из одного псевдоисторического фильма в другой. Авторы часто без всякой злобы, а с эдакой панибратской снисходительностью (и к кому? – к Петру Великому!) рассказывают и показывают, как Франц Лефорт приманивал юного неопытного Петра в Немецкую слободу, научил его там пить, курить, познакомил с опытной соблазнительницей Анной Монс и т.п. Сложилась стойкая и совсем небезобидная для здорового национального самосознания легенда о том, как «отвязавшийся мальчишка» – буквально – «выскочил на улицу», и эта «улица» (сиречь Немецкая слобода) его и «сформировала». Вот так мы, получается, и обрели главную фигуру в русской истории.

⁷ «Карамзинский стереотип» о будто бы определяющем влиянии на юного Петра фигур типа Франца Лефорта безусловно ошибочен. Хотя бы потому, что и Лефорт, и тот же Патрик Гордон впервые близко сошлись с царем Петром лишь во время династического переворота 1689 г. в Троице-Сергиевой Лавре, т.е. когда Петру было уже 17 лет: это был уже взрослый женатый человек, и через полгода у него родится сын Алексей.

⁸ Доказано также, что Петр Алексеевич Романов до своего решающего воцарения в 1689 г. *ни разу не был в Немецкой слободе*: это было совершенно невозможно при жизни строгого патриарха Иоакима (умер 17 мая 1690 г.). Установлено, что царь Петр первый раз отобедал в Немецкой слободе у Лефорта лишь 3 сентября 1690 г., когда у него уже был полугодовалый сын Алексей Петрович. А зачастил Петр в Слободу лишь тремя с лишним годами позже – после смерти матери (вдовья царица Наталья Кирилловна скончалась 25 января 1694 г.), которая совсем не приветствовала походов женатого сына «на сторону». Надо добавить, что в нашей исторической литературе всегда присутствовала (иногда усиливаясь, потом затухая) прямо противоположная версия становления юного Петра – о том, что иноземное влияние на него началось много позже, чем видится «западникам». А молодой Петр Романов – и это как раз абсолютная правда – изначально принадлежал вовсе не к «западнической», а, напротив, к «традиционалистской» партии: «И в 1682, и в 1689 г. на стороне Петра оказывалась скорее традиционалистская группировка русской знати, поддержанная патриархом Иоакимом, во всяком случае, гораздо более “фундаменталистская” и менее склонная к европейским влияниям, чем окружение В.В. Голицына. Эту группировку скорее могли оттолкнуть европеизированный облик и наклонности Петра-ребенка»⁷.

⁹ Петр, по мнению «ортодоксов», получил вполне традиционалистское православное воспитание – иначе в Московском царстве времен его отца Алексея Михайловича и старшего брата Федора Алексеевича и быть не могло. Известно, что учителем Петра в шесть лет (т.е. уже при царствующем единокровном брате Федоре) был назначен дьяк Челобитного приказа Никита Зотов, который был проверен лично старым наставником Романовых Симеоном Полоцким на предмет верности устоям православия.

10 Но как же в таком случае быть с очевидными «западническими» пристрастиями молодого Петра? У меня давно сложилась своя, *третья версия* возникновения «европеизма», причем устойчивого, у совсем еще юного Петра Алексеевича Романова. Этот европеизм, по моему убеждению, начал формироваться в самом раннем детстве, еще при жизни отца-царя Алексея Михайловича (и при его полном поощрении), и не где-нибудь на стороне, а в самих хоробах кремлевского Теремного дворца, – на той его половине, которую занимали мать, Наталья Кирилловна, ее двор, и куда навевывались родственники Нарышкины и самые близкие друзья. В настоящей статье я постараюсь доказать, что раннее европейское влияние на Петра связано с фигурой *конкретного человека*, инородца и иноверца, по жизни скромного и вынужденного к тому же держаться в глубокой тени. Царь Петр, добавлю, чтит этого своего первого наставника всю жизнь и похоронил в 1694 г. (царю было 22 года) с великими государственными и армейскими почестями, превышающими, как показывают источники, почести, которых удостоились после их смерти и Франц Лефорт, и Патрик Гордон (оба умерли спустя пять лет – в 1699 г.).

11 **Пол Мензис: начало биографии**

12 Героем настоящей статьи является шотландский аристократ-католик Пол Мензис (*Paul Menzies*), сделавший удивительную дипломатическую и военную карьеру в Русском царстве и вошедший в нашу историю как Павел Гаврилович Менезий (1637–1694).

13 В списке ближайших соратников шотландского короля Малькольма III, правящего во второй половине XI в., наряду с именами Гордон и Лермонт (их потомки также сыграют свою роль в русской истории), встречается и имя «Мензис». В новую историю Мензисы, которые состояли в родстве с аристократическими родами Гамильтонов и Гордонов, а в 1571 г. даже породнились с королевским домом Стюартов, вошли в качестве мощной ветви баронов Питфодельс, получивших этот титул в XVI в. вместе с одноименным именем близ Абердина – самого северного из крупных городов британского острова. В самом приморском Абердине, который в XII – XIV вв. был резиденцией шотландских королей, зажиточная семья Мензисов пользовалась большим почетом, а ее представители неоднократно избирались главами муниципалитета.

14 Когда английский король-католик Карл I призвал для своей защиты в 1639 г. верных «кавалеров», барон Гильберт Мензис из Питфодельса явился со своим старшим сыном в королевский лагерь, где ему было высочайше пожаловано рыцарское достоинство. Однако «партия парламента» из пуритан-индепендентов Оливера Кромвеля взяла тогда верх над католиками, и семейство сэра Гильберта, состоявшее из его жены, леди Энн Гордон (дочери Джона Гордона, двенадцатого эрла Сазерленда, самой северной земли Шотландии), нескольких дочерей и четырех сыновей, была вынуждена бежать на континент в католические страны – Францию и Фландрию.

15 Младший сын сэра Гильберта, Пол Мензис, родившийся в 1637 г. в родовой усадьбе Мэрикутер (*Maryculter*) под Абердином, был определен в июне 1647 г., т.е. в возрасте десяти лет, в элитный иезуитский коллегийум в городке Дуэ

во Фландрии (сейчас это самый северо-восток Франции, рядом с Лиллем). Здесь Мензис проучился пять лет, проявив блестящие способности в языках, богословии, философии и политико-исторических науках⁸. Он прекрасно овладел языками: французским, английским, немецким, латынью – на последнем из них, по отзыву людей компетентных, он говорил с особенной ловкостью и изяществом⁹.

¹⁶ Судьба родных Пола Мензиса на родине сложилась драматично. Его старший брат был убит в 1660 г., во время неудачной попытки католиков под предводительством герцога Монтроза поднять восстание в Шотландии в пользу Карла II Стюарта. Враги окружили двадцатилетнего Мензиса, который был знаменосцем отряда, и несколько раз предлагали сдаться. Но, ответив отказом, тот погиб, защищая королевское знамя, став национальным героем¹⁰.

¹⁷ Кончина 2 сентября 1658 г. лорда-протектора Англии и Шотландии Оливера Кромвеля дала возможность семье Мензисов вернуться на родину в Шотландию. После реставрации Карла II Стюарта сэр Гильберт получил обратно свои имения, но Пол Мензис, как младший, «ненаделённый» сын, вынужден был полагаться на собственные силы. На рубеже 1650–1660-х гг. мы видим его в Речи Посполитой наемным офицером невысокого ранга в войске короля Яна II Казимира Вазы.

¹⁸ В дальнейшей судьбе Пола Мензиса большую роль сыграл его родственник Патрик Гордон оф Охлухрис (1635–1699), двумя годами старше, тоже шотландец-католик и тоже «северянин» с норманнскими корнями из Абердина. В историю ранней петровской России Гордон войдет, как крупнейший военачальник, генерал (1687) и контр-адмирал (1694) русской службы. Историк-академик С.Ф. Платонов напишет о нем: «Большая деловитость Гордона, его честность и порядочность, выдержанность и стойкость характера повели к тому, что смена властей и влияний в Москве не отзывалась на его положении... Высшие правительственные лица делали его своим интимным советником»¹¹.

¹⁹ В 16 лет убежденный католик Патрик Гордон, отказавшись учиться в пресвитерианских заведениях в родной Шотландии, сел на корабль и приплыл в Данциг (Гданьск), откуда вскоре попал в знаменитый католический коллегиум иезуитов в Браунсберге (Браневе) близ Кенигсберга¹². О своей учебе Гордон вспоминал следующее: «Хотя я не нуждался ни в чем, так как иезуиты всегда прилагают необычайные усилия и проявляют великую заботу о воспитании юношей, все же дух мой не мог вынести столь замкнутого и строгого образа жизни»¹³.

²⁰ С детства мечтавший о военной карьере, Патрик Гордон уже через два года бросил учебу в Браунсбергском коллегиуме и вскоре поступил на военную службу к шведскому королю Карлу X Густаву. Однако, попав во время очередного сражения в плен к полякам, он зимой 1656 г. перешел на сторону Речи Посполитой. Через полгода он снова был пленен, в свою очередь, шведами и, после новых переговоров об оплате, записался опять в шведскую службу, пока в 1658 г. снова не оказался в войске польского короля, где и повстречался со своим земляком и родственником Полом Мензисом, с которым будет дружен до конца жизни последнего.

21 Весной 1661 г. в Варшаву, в качестве посланника русского царя Алексея Михайловича, приехал для переговоров о мире опытный дипломат и военачальник, стольник Замята Федорович Леонтьев. Одной из неафишируемых целей его поездки была вербовка опытных иностранных специалистов, которые в те годы во многом определяли исход военных сражений. Среди тех, кто поддался на щедрые посулы русского вельможи и принял решение вступить в московскую службу, были и шотландцы-католики – 26-летний Патрик Гордон и 24-летний Пол Мензис (Павел Менезий). В этом смысле миссия Леонтьева в Речь Посполитую увенчалась полным успехом: из-за границы в тот год было вызвано в качестве инструкторов 97 «начальных людей» (от прапорщиков до полковников включительно), а также около 300 капралов и рядовых рейтаров¹⁴.

22 Сам Мензис-Менезий так рассказывал историю своего приезда в Московию в более поздней беседе с французским путешественником и дипломатом Ш. де Нёвилем: «Повидав красивейшие области Европы, он уехал в Польшу, надеясь вернуться оттуда в Шотландию. Там у него была интрига с женой одного полковника литовских войск, который, взревновав из-за частых визитов, которые тот наносил его жене, поставил в засаду слуг, чтобы убить его. Но, предупрежденный женщиной, он принял все меры: задел мужа, принудил его к поединку и убил. Необходимо было тотчас скрыться. Но, не имея проводника, он попал в сторону Московитов, которые вели в то время войну с Польшей. Сначала его держали как военнопленного, но когда он счел за лучшее для себя рассказать правду о своей истории, то был поставлен перед выбором: служить Царю или отправиться в Сибирь. Он выбрал второе, из-за своей склонности к путешествиям»¹⁵.

23 Биограф Мензиса-Менезия, русский историк и дипломат Н.В. Чарыков, полагает, что у наемников-шотландцев были более веские служебные и политические основания наняться на службу к московскому царю. На их глазах «польское правительство, вместо того, чтобы использовать победу над русскими под Чудновым 1660 года, оказалось обессиленным “конфедерацией”, т.е. вооруженным восстанием своей же армии, не получавшей жалованья»¹⁶. Вместе с тем, «возраставшее своеволие шляхты и законодательная немощь сейма вследствие упрочившегося с 1652 г. начала *liberum veto* (“не позволяем”), вносили в управление страной гибельную для нее анархию»¹⁷. Согласно Чарыкову, сметливые и опытные шотландцы поняли, что «будущность на стороне малоподвижной и малоученой, но настойчивой, дисциплинированной и самодержавной Москвы»¹⁸.

24 Гордон и Мензис выехали из Варшавы в Московию в конце июня 1661 г., вместе с уже имевшим опыт русской службы соотечественником Дэниэлом (Даниилом) Кроуфордом, ранее плененным поляками в битве под Чудновым. Через Ригу, Псков, Новгород и Тверь, шотландцы, общим числом около полутора десятков, прибыли в Москву в первых числах сентября 1661 г. и наняли общий дом в Немецкой слободе на Яузе. 5 сентября они были допущены к «целованию руки» царя Алексея Михайловича в его резиденции в Коломенском.

25 Для зачисления на русскую службу новоприбывшим предстояло еще пройти воинские испытания. 7 сентября 1661 г. начальник Иноземного приказа,

где ведались служилые иностранцы, тесть царя, боярин Илья Данилович Милославский, провел экзаменовку шотландцев на предмет обращения с различным оружием, прежде всего, пиками и мушкетами, на «загородном поле» в районе Чертольях (Пречистенки). Гордон записал в дневнике: «Я с удивлением сказал ему (Милославскому. – *А.К.*), что если бы знал об этом заранее, то прихватил бы одного из моих слуг – тот, возможно, обращается с оружием получше меня, – и добавил, что владение оружием – последнее дело для офицера, а самое существенное состоит в руководстве. Прервав меня, он заявил, что даже лучшие из полковников по прибытии в эту страну должны так поступать. Я ответил: “Раз уж таков обычай, я готов” – и, управившись с пикой и мушкетом во всех позах к его полному удовольствию, вернулся домой»¹⁹. Наконец, 9 сентября офицеры-шотландцы были зачислены в пехотный полк Даниила Кроуфорда, причем Патрик Гордон, как более опытный, был принят с чином майора, а Павел Менезий – капитана.

²⁶ Однако подлинные испытания для новых русских офицеров только начинались. Дьяки Иноземного приказа, пользуясь отсутствием в Москве боярина Милославского, не спешили выплачивать новичкам положенного содержания, явно вымогая взятки. Гордон и Менезий решили, не мешкая, покинуть разочаровавшую их Москву. Гордон записал в дневнике: «Дьяк явился ко мне и начал браниться... Я заявил, что мне безразлично, дадут мне что-нибудь или нет, лишь бы позволили уехать отсюда обратно. С таким намерением я вернулся в Слободу и стал основательно размышлять, как выбраться из этой страны, столь далекой от моих ожиданий и несогласной с моим нравом»²⁰.

²⁷ Далее в дневнике Гордона следует обидный для русского слуха пассаж: «Ведь я послужил стране и народу (здесь имеется в виду Речь Посполитая. – *А.К.*), где иностранцы имеют великий почет, пользуются такою же славой и даже большим доверием, чем сами туземцы, и где для всех достойных людей открыт свободный путь ко всем воинским и гражданским почестям; где в краткий срок, посредством бережливости и усердия, можно приобрести положение..., где многие достигают больших состояний, чинов и других почетных и прибыльных преимуществ..., где унылое выражение лица или покорное поведение означают трусость и малодушие, а уверенное, величавое, но неподдельное обличье – добродетельное благородство...»²¹

²⁸ «Здесь же, – продолжает Гордон, переходя к описанию московских реалий, – напротив, я убедился, что на иноземцев смотрят как на сборище наемников и в лучшем случае... – *necessaria mala* (неизбежное зло. – *лат.*); что не стоит ожидать никаких почестей или повышений в чине, кроме военных, да и то в ограниченной мере, а в достижении оных более пригодны добрые посредники и посредницы, либо деньги и взятки, нежели личные заслуги и достоинства; что низкая душа под нарядной одеждой или кукушка в пестром оперении здесь так же обыкновенны, как притворная или раскрашенная личина..., что люди угрюмы, алчны, скарены, вероломны, лживы, высокомерны и деспотичны – когда имеют власть, под властью же – смиренны и даже раболепны, неряшливы и подлы, однако при этом кичливы и мнят себя выше всех прочих народов»²².

29 Но особенно новоприбывших иностранцев озадачили изменения в оплате их службы: с некоторых пор их жалование стало выдаваться не серебряной, как было обещано, а медной монетой, постоянно к тому же обесценивающейся: ходили упорные слухи о чеканке фальшивых медных денег, в чем подозревались близкие к царю вельможи. Гордон вспоминал: «Оных и многих других причин было предостаточно, чтобы я надумал вырваться отсюда. Единственная трудность – как сего достичь? – сильно меня тревожила, ибо каждый, у кого я просил совета, ссылался на невозможность этого»²³. Более того, продолжает Гордон, «главный стряпчий Иноземного приказа Тихон Федорович Мотякин принял меня очень вежливо, предложил садиться и после весьма любезной речи преподнес грамоты в разные ведомства на деньги, соболей, Дамаск и сукно для меня и моих спутников. Я отказался наотрез и заявил, что подожду приезда боярина, коего надеюсь переубедить и добиться отпуска из страны. Сей стряпчий, будучи человеком учтивым (здесь это редкость), принялся вежливо меня увещать, предъявил множество доводов, дабы отвлечь меня от такого решения, и послал за моим полковником (Кроуфордом. – А.К.). Они вдвоем отвели меня в сторону и, среди прочего, говорили, что стремиться к отъезду для меня будет пагубно, ибо русские вообразят, будто я – католик, прибывший из страны, с которой они воюют, – явился к ним лишь как лазутчик, чтобы сразу же уехать; если я упомяну о чем-либо подобном, меня не только не отпустят, но и сошлют в Сибирь в дальнее место и никогда больше не станут доверять. Сие и впрямь меня поразило, учитывая подлую и подозрительную натуру этих людей, так что с великой неохотой я согласился взять грамоты за наше прибытие в страну»²⁴.

30 При первом удобном случае Гордон и Менезий решили ехать за границу легально, например, записавшись офицерами в одну из русских дипломатических миссий. Гордон вспоминал: «Меня долго держал в неведении боярин по имени Федор Андреевич Милославский, назначенный великим послом к шаху Персидскому. Зная, какой успех может доставить умело направленная взятка, я нашел способ преподнести ему сотню дукатов, а его *maior domo* (дворецкому), который должен был хлопотать за нас, – конскую сбрую, что стоила мне 20 дукатов. Я желал, чтобы он добился у царя позволения мне и капитану Мензису отправиться в его свите в Персию. Он взялся за это весьма усердно и обещал устроить дело, но после 6-недельных ходатайств, ввиду невозможности чего-либо достичь, я отступился»²⁵.

31 Тем временем правительство, понимая серьезность положения, втайне готовило возвращение к серебряной монете. Существует мнение, что главную роль в этой «контрреформе» сыграл Артамон (Артемон) Сергеевич Матвеев (1625–1682), как лицо, пользующееся абсолютным доверием царя Алексея Михайловича. Историк русской гвардии сенатор П.О. Бобровский писал о Матвееве: «В чине полковника и головы, он командовал сотнею сокольников и стремянных конюхов, составлявших ближайшую охрану царя Алексея Михайловича... Дом его лежал на пути в село Преображенское... Царь любил его, как друга, часто бывал в его доме и нередко проводил с ним вечера в умной беседе»²⁶. Именно Матвееву и был поручен надзор за московским Денежным двором, возобновившим чеканку полновесных серебряных копеек, а также следствие по делу о производителях фальшивой медной монеты²⁷.

³² 25 июля 1662 г. Гордон и Менезий участвовали в подавлении т.наз. «Медного бунта». Рядом с полком Кроуфорда действовали тогда стрельцы Артамона Матвеева: это боевое знакомство с фаворитом царя имело важное продолжение для шотландцев. Последовало повышение по службе: Патрик Гордон был произведен в подполковники, а Павел Менезий, служивший в том же полку «старшим капитаном», соответственно, – в майоры.

³³ Служебная карьера друзей-шотландцев постепенно налаживалась, и в том же 1662 г. майор русской службы Павел Гаврилович Менезий женился на католичке из Немецкой слободы (имени ее история не сохранила), а, спустя год, в семье родился сын Томас. Удачно женился и Патрик Гордон – на юной дочери полковника Филиппа Альберта фон Бокховена. Н.Н. Петрухинцев справедливо отмечает: «Начальные этапы карьеры Гордона... были связаны с поддержкой двух старейших и, пожалуй, влиятельнейших на тот момент “полковничьих” кланов в России (Кроуфордов и фон Бокховенов. – А.К.), не говоря уже о патронаже со стороны крайне немногочисленного в годы русско-польской войны генералитета, который на весну 1663 г. был исключительно шотландским»²⁸.

³⁴ Действительно, после отъезда из Москвы генерала-артиллериста Николая Баумана, кроме непосредственного начальника Гордона и Менезия, Даниила Кроуфорда, получившего чин генерал-майора, генералами на тот момент в Русском царстве были еще только два человека, и оба тоже шотландцы: генерал-аншеф Томас Дальйелл и генерал-лейтенант Уильям Драммонд. Оба генерала, католики и роялисты, приехали в Москву еще в 1656 г. с рекомендательной грамотой к царю Алексею Михайловичу от католика Карла Стюарта, будущего короля Шотландии, с просьбой принять его верных людей на русскую службу.

³⁵ Знакомство и дружба с Нарышкиными

³⁶ В 1664 г. пехотный полк Кроуфорда, где служил Менезий, был направлен для усиления приграничного Смоленска. Майор-шотландец перебрался туда с женой и сыном, и именно здесь его ждало решающее знакомство, определившее его последующую жизнь. В 1667 г. командиром стрелецкого полка, расквартированного в Смоленске, был назначен тарусский дворянин Кирилл Полуэктович Нарышкин (1623–1691). В Смоленске майор Менезий и полковник Нарышкин – отец будущей царицы Натальи Кирилловны – провели вместе около четырех лет, сблизились и подружились семьями.

³⁷ В «Общем Гербовнике дворянских родов Российской империи» говорится, что род Нарышкиных происходил из Богемии, от фамилии Нарисци, которая в древние времена владела городом Эгру (Эгер). Когда Нарышкиных потом спрашивали, почему они отказываются от русских титулов, те отвечали, что их род более древний, чем род Романовых.

³⁸ Кирилл Полуэктович Нарышкин участвовал в войнах с Польшей, служил воеводой на Северном Кавказе и в Казани. Он был женат на каширской дворянке Анне Леонтьевне, в девичестве Леонтьевой (умерла в 1706 г.). Будущая бабка Петра I по матери, Анна Леонтьевна, вела свой род по отцу от татарского мурзы Абатура, а по матери происходила из дворянского польско-литовского рода Раевских. (Её супруг Кирилл Нарышкин, став тестем царя Алексея и ближним

боярином, приобрел имение Семчино у князя П.С. Прозоровского, где бабушка юного Петра, боярыня Анна Леонтьевна, прожила последние годы, пережив мужа на 15 лет, а дочь, царицу Наталью, на 12 лет. Имение Семчино, сегодня Петровско-Разумовское, прославилось, благодаря образцовой «амстердамской» ферме, основанной самим Петром Великим и позже разросшейся в сельскохозяйственную Академию, и великолепным храмом во имя апостолов Петра и Павла, построенным в стиле «нарышкинского барокко». Родство с влиятельнейшей при внуке-царе Анной Нарышкиной стало залогом блестящей карьеры её племянника Михаила Ивановича Леонтьева, будущего генерал-аншефа и киевского генерал-губернатора, и ее двоюродного племянника Гаврилы Ивановича Головкина, будущего петровского канцлера.)

³⁹ В семействе Нарышкиных, на глазах друга семьи Павла Менезия, подрастали дети, некоторым из которых было суждено сыграть большую роль в истории Московского царства. Старшей была Наталья (1651 г.р.), будущая мать Петра Великого. Вслед за дочерью, с большим промежутком, родились пятеро сыновей – Иван (1658), Афанасий (1662), Лев (1664), Мартемьян (1665) и Федор (1666). В свое время знаменитый русский историк Василий Осипович Ключевский точно заметил, что будущий царь-реформатор Петр Алексеевич Романов, конечно же, «пошёл в Нарышкиных». В своих исторических трудах Ключевский не раз говорил о «династической хилости мужского потомства патриарха Филарета» (т.е. Романовых. – *А.К.*): «Первая жена царя Алексея (Мария Милославская. – *А.К.*) не осилила этого недостатка фамилии. Зато Наталья Кирилловна [Нарышкина] оказала ему энергичный отпор. Петр уродился в мать и особенно походил на одного из ее братьев, Федора (будущего архангелогородского воеводу и губернатора. – *А.К.*). У Нарышкиных живость нервов и бойкость мысли были фамильными чертами»²⁹.

⁴⁰ В 1660-е гг. во время службы в Москве офицеры Кирилл и Федор Нарышкины близко сошлись со своим полковым командиром Артамоном Матвеевым; Федор Полуэктович женился на шотландке Евдокии Петровне Хомутовой, родной племяннице жены Матвеева, тоже шотландки, Евдокии Григорьевны Гамильтон. Покидая в очередной раз Москву по делам службы, Нарышкины попросили Матвеевых оставить на их попечение подростковую Наталью, и в доме «западника» Матвеева в Никольском переулке (по названию Храма Николая Чудотворца в Столпах), она получила хорошее европейское образование. Ей, как и родному сыну Матвеева, Андрею Артамоновичу, будущему крупному дипломату, иностранные учителя преподавали историю, математику, литературу, поэзию и даже физику. Юная Наталья, свободно говорившая на нескольких языках, принимала участие в любительских спектаклях, которые разыгрывались в доме Матвеевых.

⁴¹ Адольф Лизек, секретарь Посольства Императора Священной Римской империи, посетивший Москву незадолго до кончины царя Алексея, так описывал московский дом нового главы Посольского приказа Матвеева: «Боярин встретил нас весьма учтиво, на крыльце, и проводил вверх... Мы вошли в залу... Потолок залы был разрисован; на стенах висели изображения Святых, Немецкой Живописи; но всего любопытнее были разные часы с различным исчислением времени. Так одни показывали часы астрономического дня, начиная с полудня

(какие употребляются и в Германии); на других означались часы от заката солнца, по счету Богемскому и Итальянскому, иные показывали время от восхода солнца, по счислению Вавилонскому, другие по Иудейскому, иные наконец начинали день с полуночи, как принято Латинскою Церковью. Едва ли можно найти что-нибудь подобное в домах других Бояр. Артамон больше всех жалуется иностранцев (о прочих высоких его достоинствах говорить не стану), так, что Немцы, живущие в Москве, называют его своим отцом; превышает всех своих соотечичей умом, и опередил их просвещением»³⁰.

⁴² Н.В. Чарыков полагал, что Артамон Матвеев вполне мог лично познакомиться с Павлом Менезием еще в июле 1662 г., когда его стрелецкий полк вместе с полком Кроуфорда (в котором Менезий служил капитаном) подавляли «Медный бунт»³¹. Однако, по мнению Чарыкова, Менезий начал в глазах Матвеева «обособляться среди прочих офицеров-иностранцев» только после переселения в матвеевский дом Натальи Нарышкиной и именно в результате ее рассказов, поощряемых женой Матвеева – шотландки: «Её (Натальи Нарышкиной. – А.К.) пребывание в Смоленске относится ко времени, предшествовавшему началу 1670 года, т.е. к тому времени, когда ее отец и Менезий там вместе служили. Так как Наталия Кирилловна родилась 22 августа 1651 года, то в 1668 году, когда мы видели ее отца в Смоленске, ей было семнадцать лет, так что она уже могла отнестись сознательно к знакомству с незаурядным сослуживцем ее отца (курсив мой. – А.К.), оказавшимся свойственником ее семьи... Таким образом, окончательное переселение в Москву не только не могло изгладить Менезия из памяти Натальи Кирилловны, но должно было, напротив, еще более упрочить воспоминание о нем через близость с его соотечественницей, заменявшей Наталии Кирилловне мать. Нам даже кажется, что более близкое и сочувственное осведомление о Менезии А.С. Матвеева, начинавшего тогда возвышаться, и его супруги можно отнести к рассказам прибывших из Смоленска их воспитанницы и ее отца (Кирилла Полуэктовича. – А.К.)»³².

⁴³ **Менезий – посол царя Алексея Михайловича**

⁴⁴ Еще в бытность главой Посольского приказа А.Л. Ордина-Нащокина (в 1671 г. его сменил А.С. Матвеев) шотландец-католик, майор русской службы Павел Гаврилович Менезий, успешно выполнил ряд правительственных поручений. В 1667 г. он, например, был командирован в Швецию для найма горнорабочих для подмосковных железных заводов.

⁴⁵ Сам факт выезда иностранного специалиста за рубежи Русского царства был знаком большого доверия. В свое время акад. С.В. Платонов, изучая материалы, касающиеся друга Менезия, Патрика Гордона, сделал точное наблюдение: «Из подробного дневника Гордона можно видеть, как хорошо обживались иноземцы в московской обстановке и как свободно они себя чувствовали, если только не пытались оставить московскую службу (курсив мой. – А.К.). Все попытки Гордона взять отставку и вернуться на родину отклонялись с гневом и даже с угрозами послать его с семьей в ссылку... Гордон прожил в России 38 лет жизни, дослужившись до высокого чина “генерала” и заслужив доверие правительства настолько, что ему было дано самостоятельное дипломатическое поручение в Англию»³³.

46 Осенью 1669 г. в Шотландии скончался отец Менезия, барон Гилберт Питфодельс. Павел Гаврилович задумался об отпуске, чтобы оформить права наследства, но не был уверен, что получит разрешение. Он решился просить отпуск лишь в начале 1671 г., после того, как Посольский приказ перешел в ведение Матвеева, друга близкой Менезию семьи Нарышкиных. Перед отъездом на родину, в апреле 1671 г. он навестил породнившихся с царем друзей-Нарышкиных (в январе Алексей Михайлович женился вторым браком на Наталье Кирилловне) в их новых палатах напротив Кремля, на месте нынешней Государственной библиотеки³⁴.

47 Возвращаясь в Московию из Шотландии, Менезий вынужден был задержаться в Европе из-за начавшейся войны между Францией (и поддержавшей ее Англии) с Голландской республикой. Только благодаря старым связям, ему удалось пробраться на гамбургском военном корабле в Данию и вернуться, через Ригу, к месту службы в Смоленск. Но не успел он возвратиться в полк, как Артамон Матвеев, новый глава внешнеполитического ведомства, экстренно вызвал Менезия в Посольский приказ, расположенный в то время в Кремле, в больших каменных палатах рядом с Архангельским собором. Менезий был подробно расспрошен о военно-политическом положении в увиденных им государствах, о ходе франко-голландских боев на Рейне. Спросили его и о перспективах наступления, начатого турецким султаном Мехмедом IV против Речи Посполитой – этот вопрос более всего волновал тогда московское правительство. Ответы Менезия, сохранившиеся в архиве российского МИДа, были обстоятельны, умны и послужили, надо думать, важной причиной возложения на Павла Гавриловича ответственной дипломатической миссии – в Берлин, Дрезден, Вену, Венецию и Рим.

48 В начале осени 1672 г. в Москве была получена грамота польского короля о взятии турками хорошо укрепленной крепости Каменец-Подольский. Падение этой цитадели открыло султану путь не только ко Львову и Варшаве, но и к Чигирину, столице Западной Украины, и к контролируемому русскими Киеву. Известный историк русско-европейских дипломатических связей Е.Ф. Шмурло писал: «Полуторастатысячное войско турецкое, под предводительством самого султана Магомета IV, наводило польские области; 27 августа 1672 г. пал Каменец, и торжественный путь падишаха по улицам твердыни польской был услан святыми иконами»³⁵.

49 Русское царство на тот момент было союзником Речи Посполитой на основании Андрусовского перемирия 1667 г., заключенного еще Ординым-Нащокиным. Положив конец разорительной для обеих сторон русско-польской войне 1654–1667 гг., Андрусовский договор устанавливал перемирие сроком на 13,5 лет, в течение которых государства должны были подготовить условия «вечного мира» (который и был заключен в 1686 г., уже при регентстве Софьи Алексеевны). Речь Посполитая уступала России Смоленск, южную Псковщину, Северскую землю (в том числе Стародубщину), а также земли Левобережной Украины. В свою очередь, Россия отказывалась от завоеваний в Великом княжестве Литовском и возвращала Витебск, Полоцк и Динабург (Борисоглебск). Под контролем Польши оставалась Правобережная Украина.

50 Е.Ф. Шмурло так писал об Андрусовском трактате: «Обе стороны остались одинаково им недовольны и втайне лелеяли себя надеждой при первом же удобном случае изменить параграфы договора в свою исключительную пользу»³⁶. В то же время Шмурло утверждал, что правительство царя Алексея было чрезвычайно обеспокоено активностью османов вблизи своих юго-западных рубежей: «Внушительность турецких побед никоим образом не позволяла Москве остаться безучастной их зрительницей... Не столько заботой о несчастной соседке-сопернице, не столько желанием выполнить договор, сколько сознание собственной опасности, вынудило и нас обнажить свой меч. В торжестве турок царь Алексей видел опасность не одной Польше или России, но и всему христианству, видел угрозу полумесяца кресту»³⁷. И далее Шмурло решается на еще более сильное «историософское» обобщение: «С тех пор как царствующий дом Рюриковичей породнился с Византийскими императорами, с тех пор как двуглавый орел осенил Московскую державу, русские государи не переставая считали себя единственными законными наследниками павшей монархии и охранителями православия. Москва давно усвоила себе функцию Третьего Рима. Решено было звать всю Европу в крестовый поход на мусульман»³⁸.

51 Думается, что маститый исследователь в данном случае не вполне верно оценил ход мысли московских стратегов. В уме нового «канцлера» Артамона Матвеева созрел нетривиальный план, позволяющий ему без особого риска осуществить свой «дипломатический дебют», обещающий впечатлить царя Алексея, а, в перспективе, – затмить дипломатическую славу Ордина-Нащокина. Речь шла, конечно, вовсе не о создании общехристианской военной коалиции против турок (что было совершенно нереально, учитывая вовлеченность большинства стран Европы в острый конфликт на Западе), а о своего рода *презентации*, посредством посольской дипломатии, растущих амбиций и возможностей Русского царства. Молодая, набирающая силу держава, обращается к другим христианским государям Европы с просьбой оказать действенную помощь своему союзнику (католической Польше), испытывающему давление агрессивного ислама – турецкого султана и его крымско-татарского вассала. С такой переговорной позицией можно было смело ехать в любое, даже самое несговорчивое государство Европы, не исключая, как оказалось, даже папского Рима.

52 План, задуманный Матвеевым, как мы увидим, полностью удался. Одновременно с Павлом Менезием, направляемом к бранденбургскому и саксонскому курфюрстам, австрийскому императору, дожу Венеции и римскому папе, в Европу были отправлены еще два «гонца-посланника» – и оба люди незаурядные. В Париж, Лондон и Мадрид отправлялся дьяк-переводчик Посольского приказа, голландец-фриз по национальности Андрей Андреевич Виниус (1641–1717), будущий близкий соратник Петра I. Думный дьяк Емельян Игнатьевич Украинцев (1641–1708), впоследствии фактический глава Посольского приказа при кн. В.В. Голицыне, был направлен в Голландию, Данию и Швецию.

53 Вопрос о целесообразности посылки царского посланника в папский Рим, с которым у Русского царства давно не было никаких контактов, обсуждался правительством царя Алексея отдельно. 4 октября 1672 г. в царской резиденции в Преображенском «у великого государя было с бояры сидение»³⁹. Сомнения

Боярской думы были понятны: «Страшная катастрофа, разразившаяся над русской землей в начале XVII столетия, была еще у всех в живой памяти. Пронесшаяся буря едва не смела и русской национальности, и русской веры... Еще так недавно на престоле благочестивых царей русских сидел ставленник поляков и иезуитов, тайный католик, сторонник безбожной унии и явный слуга римского папы... И вот, чтобы в корне пресечь зло, решили запереться от него на все замки и ключи»⁴⁰. Канцлер Матвеев сделал в Преображенском специальный доклад (подготовленный им, как считает Н.В. Чарыков, при активнейшем участии Менезия⁴¹), и убедил царя и ближних бояр включить Ватикан в маршрут «южной группы».

⁵⁴ Итак, московский посланник, шотландский католик и майор русской службы Павел Гаврилович Менезий выехал из Москвы 20 октября 1672 г. Вторым лицом посольства был опытный подьячий Посольского приказа Михаил Тарасович Тарасов, который ранее уже выполнял самостоятельные поручения: был царским «гонцом» в Польшу, Швецию, Турцию. Секретарем-переводчиком посольства был определен молодой саксонский медик Лорен (Лаврентий) Рингубер. В 1667 г. он приехал в Москву в качестве помощника доктора Блюментроста, рекомендованного саксонским герцогом Эрнстом в качестве домашнего врача в царскую семью.

⁵⁵ Когда в 1672 г., по желанию царя Алексея Михайловича, пастору из Немецкой слободы И.-Г. Грегори было поручено поставить пьесу для придворного театра, и тот написал первую сыгранную в Москве (17 октября 1672 г.) пьесу «Агасфер и Эсфирь», обучением исполнителей массовых сцен, которыми были до шести десятков мальчиков из военных и купеческих семей Немецкой слободы, занимался почти исключительно Рингубер. Помогавший в организации спектакля, авторитетный в Слободе и уже вхожий в ближайшее царское окружение майор Менезий оценил таланты саксонца и, отправляясь в Европу, взял Рингубера с собой⁴². В составе посольства были также «гофмейстер» Филипп Бюхлер и еще 12 человек свиты, из которых история сохранила лишь имена двух стрельцов посольской охраны: Мтенька (Степан) Максимов и Якушко (Яков) Афанасьев⁴³.

⁵⁶ Посольство проследовало через Новгород, Псков и Ригу в Митаву (Елгаву), где Менезий имел встречу с дружественным Московии и авторитетным в Европе курляндским герцогом Якобом фон Кетлером. Через Кенигсберг посольство достигло Берлина, столицы Бранденбурга, где Менезий, не застав поначалу курфюрста Фридриха-Вильгельма I Гогенцоллерна (тот находился в действующей армии, отступавшей перед войсками Людовика XIV), был принят им в городке Билефельд 6 (16) февраля 1673 г. При вручении грамот от царя Алексея, курфюрст высказал полное сочувствие антиосманским планам московитов, однако сослался на невозможность военной поддержки Польши против турок до окончания войны с Францией и Англией. Во время следующей остановки, в Дрездене, курфюрст саксонский Эрнст также принял Менезия с почетом – стало ясно, что авторитет Русского царства при европейских Дворах существенно вырос. План Матвеева успешно реализовывался.

⁵⁷ В Вене русский посланник задержался около шести недель, но имел аудиенцию у императора Священной Римской империи Леопольда I лишь однажды, 15 (25) апреля 1673 г.; политические вопросы обсуждались с вице-

канцлером, графом Л.В. фон Кенигсегг-Ротенфельсом. От прощальной аудиенции у императора русский посол отказался, ввиду неготовности имперской стороны согласиться на некоторые требования москвитов по церемониалу. Обстоятельства визита в Вену, вызвавшие некоторое замешательство при цесарском дворе, окончательно убеждают: посольство Менезия имело главной целью вовсе не реальное соби́рание коалиции против турок, а демонстрацию растущей силы и достоинства Московской державы и ее Государя. И с этим заданием шотландский интеллектуал-католик на службе России Павел Менезий успешно справлялся.

⁵⁸ Перевалив Тирольские Альпы, посольство оказалось в Италии; 10 (20) июня 1673 г. оно прибыло в Венецию. Правительство старого дожа Доменико II Контарини выказало русской миссии полное сочувствие. Сенат Республики Св. Марка выслушал царское послание внимательно, но не выказал желания возобновить военные действия против турок. Венеция, утомленная 25-летней неудачной войной с султаном, окончившейся утратой острова Крит, не решилась нарушить подписанного с Турцией в 1669 г. мира.

⁵⁹ В Венеции для Менезия были отведены апартаменты во дворце Ка Да-Мосто на Большом канале, где находился старейший в городе гостевой двор «Leon Bianco». Там, до Менезия, в 1668 г. жили московские посланники – «торговый иноземец» Томас (Фома) Андреевич Келлерман и подъячий Посольского приказа Прокопий Богданович Возницын, посетившие до этого Вену. Более века спустя, во время венецианского карнавала 1782 г., в «Белом льве» гостил с супругой Марией Федоровной великий князь, цесаревич Павел Петрович (будущий император Павел I) во время их гранд-тура по Европе под именами «графа и графини Северных».

⁶⁰ Спустя полторы недели, парадные венецианские барки доставили посольство Менезия через Лагуну и устье реки По в порт рядом с Феррарой – большого города Папской области. Губернатор-легат, кардинал Сигизмунд Киджи, от имени Папы, принял посланника царя с почетом и разместил сначала у себя, в замке герцогов д'Эстэ, а потом перевел москвитов в один из городских монастырей. Здесь Менезий, уже переболевший в Венеции лихорадкой, заболел снова, уже тяжело, и даже решил, что умирает и, по словам исследователя посольства Н.В. Чарыкова, начал «отдавать распоряжения на случай смерти»⁴⁴. В Ферраре Менезий лечился больше месяца; средства, полученные в Посольском приказе, давно иссякли, и послу, дабы расплатиться за лекарства и другие врачебные услуги, пришлось продать полученную в Венеции золотую цепь за 120 золотых червонцев⁴⁵.

⁶¹ В конце июля 1673 г. русское посольство выехало из Феррары в Рим. Прямой путь лежал через Тоскану, но заданий к Великому герцогу у Менезия не было, и делегация поехала кружным путем через папские земли – через Равенну и далее вдоль побережья Адриатики – на Римини, Пезаро, Сенигаллию. Близ Анконы, в Лорето, москвиты поклонились «Святой хижине» (Santa Casa) – величайшей святыне христианского мира. Согласно преданию, во время путешествия по Святой земле, мать императора Константина Великого, равноапостольная Елена, разыскала в Назарете тот самый дом, где росла Дева Мария и где имело место Благовещение. Елена повелела возвести над этим жилищем церковь. Далее легенда гласит, что когда в конце XIII в. сарацины

изгнали крестоносцев из Святой Земли, ангелы унесли «Святую хижину» по воздуху в безопасное место – сначала в Терсато на восточном берегу Адриатики, а потом – через море, в Италию. В 1295 г. Santa Casa из Назарета оказалась в Лорето, и со временем вокруг нее была выстроена грандиозная базилика. Аристократ-католик Пол Мензис, барон Питфодельс разумеется знал историю этой христианской святыни, как и то, что в ее почитании сошлись не только иерархи церкви и сотни тысяч паломников, но и такие светские интеллектуалы, как Мишель Монтень и Рене Декарт.

⁶² Далее посольство Менезия двинулось на юго-запад через Мачерату, Толентино, Фолиньо, Сполето, Терни, Нарни, Отриколи и 8 (18) августа 1673 г. прибыло в Рим, где тогда формально главенствовал престарелый Папа Климент X, который, за дряхлостью, передоверил власть в руки усыновленного им племянника, кардинала Палуццо Алтьери дельи Албертони. К моменту появления Менезия в Вечном городе канцелярия Св. Престола уже получила депеши папских нунциев из мест, посещенных москвитами. Нунций при дворе Леопольда I, епископ Марио Альберицци, которого Менезий посетил в Вене, выдал ему рекомендательное письмо к кардиналу Алтьери: «Павел Менезий, шотландский дворянин, который послан к здешнему двору светлейшим Великим князем Московским, достоин благоволения Вашего, не только в виду особы, которую он представляет, но и по личным своим достоинствам»⁴⁶.

⁶³ Известный в католическом мире интеллектуал-иезуит, о. Вота, видевшийся с Менезием в Венеции, сообщал местному нунцию, архиепископу Помпео Варезе (о чем последний сразу доложил в Рим): «Он человек весьма осторожный и обходительный, благородной наружности, любезный собеседник и кроме языков английского, немецкого и московского, т.е. русского, говорит с изяществом на языках латинском и французском, он является весьма благочестивым католиком, принимает часто Св. Тайны, он высказывает много ревности о своем Государе, но и не менее о католической религии»⁴⁷.

⁶⁴ В Риме Менезия взял под свое покровительство кардинал Франческо Барберини, старейшина Священной коллегии, просвещенный владелец знаменитой Библиотеки и давнишний патрон шотландской католической общины в Италии. Кардинал хорошо помнил, что его предок, купец и путешественник Рафаэль Барберини, был столетием раньше (в 1565 г.) радушно принят в Московии самим царем Иоанном Васильевичем Грозным. (В 1658 г. в Витербо было опубликовано весьма лестное для москвитов сочинение Рафаэля Барберини «Путешествие в Московию», неоднократно затем переведенное на русский⁴⁸.)

⁶⁵ Менезий сошелся в Риме и с влиятельным аббатом Помпеем Скарлатти, который так охарактеризовал его в записке, составленной на другой день после приезда русского посланника: «Упомянутый господин Менезис весьма почтенный дворянин благообразного вида, среднего роста, в возрасте около пятидесяти лет (Менезию было тогда всего 36. – *А.К.*). Он говорит холодно, взвешивая свои слова, он благоразумен и почтителен в отношении всех, кто имеет с ним дело. Он владеет вполне хорошо латинским и французским»⁴⁹. Особенно удивило аббата Скарлатти отношение правоверного католика Менезия (только что совершившего паломничество в Лорето) к своему православному государю, которого он

«изображал государем очень любознательным и страстно желающим цивилизовать и оформить свой народ, имея также великое расположение к сношениям с другими нациями и к приобретению почета у королей и других государей Европы»⁵⁰.

⁶⁶ Во время пятинедельного пребывания в Риме Менезий жил на счет Св. Престола совсем рядом с папским дворцом на Квиринале – в оставшемся без хозяина двухэтажном доме с садом, ранее принадлежавшему графу Видман-Ортенбургу. (Этот дом, ныне известный как «палаццо Антонелли», впоследствии купил племянник статс-секретаря Пия IX, граф Августин Антонелли. В перестроенном виде он существует и сейчас – по адресу: Largo Magnanapoli, 158).

⁶⁷ Главная проблема, которая тревожила посла Менезия еще на длинном пути к Риму: придется ли ему, согласно жесткому протоколу, целовать ногу папе Клименту? В Москве ему были даны на этот счет точные инструкции: собственно, ради этой «ватиканской мизансцены» всё посольство в Рим во многом и затевалось. «Послу, – сообщает работавший непосредственно в архивах Москвы и Ватикана гр. Д.А. Толстой, – приказано было на аудиенции поклониться папе обыкновенным поклоном; если папа потребует, чтобы посол поцеловал его ногу, то никак этого не делать, но крепко настаивать, чтобы целовать руку, а не ногу; если, при произнесении имени государя, папа не встанет и не спросит о его здоровье, то сказать: “Когда государя нашего посланные бывают у цесарского величества, то цесарь (Священной Римской империи. – А.К.), по братской любви и дружбе к государю, при имени его встает и снимает шляпу, также и о здоровье государевом спрашивает, стоя и без шляпы; и папе, для изъявления любви и дружбы к государю, должно бы также при имени его встать и спросить о его здоровье стоя”»⁵¹.

⁶⁸ Есть свидетельства, что в ходе длинного путешествия в Рим посол Менезий делал дополнительные запросы в Москву: стоит ли ему настаивать на столь максималистском сценарии переговоров? И всякий раз получал на это категорично-утвердительные ответы. «На дороге, – пишет Толстой, – взяло Менезиуса раздумье: если государи целуют ногу у папы, то верно его не освободят от исполнения этого обряда; он написал о своем сомнении Матвееву, и получил ответ, что католические государи целуют ногу у папы, потому что они одной с ним веры, а что ему послу и даже состоящему при нем подъячему (М.Т. Тарасову. – А.К.) запрещается целовать ногу у папы, как сказано в данном ему наказе»⁵².

⁶⁹ Историк Е.Ф. Шмурло полагал, что столь радикальная позиция была *ошибкой московской стороны*, и она-то и определила конечную неудачу миссии Менезия в деле формирования антитурецкой военной коалиции. «Легко предвидеть, – пишет Шмурло, – что пункты, предъявленные Менезием, встретят категорический отпор. Мог ли подниматься римский первосвященник перед послом еретического и полуварварского князька, почти лишенного значения в международной жизни Европы, когда он сидел даже перед послами императора, короля Франции?.. Квиринальскому двору желание московского посла могло показаться одной заносчивостью, даже оскорблением»⁵³. Московского посла, утверждает Шмурло, неоднократно предупреждали: «Ваше упорство приведет лишь к тому, что аудиенция не состоится. Угроза, однако, не подействовала: пусть

лучше отпустят меня, не показав папы, если хотят непременно принудить к целованию ноги»⁵⁴.

⁷⁰ Шмурло, конечно, ошибается: Менезий, повторимся, вовсе не ставил задачи вовлечь Ватикан в военную коалицию против турок. Он, как до этого при Дворе императора Леопольда I, сознательно сосредоточился на отстаивании чувствительных для престижа Москвы *церемониальных процедур*. И эта стратегия, надо признать, начала приносить плоды уже на этапе предварительных консультаций с реальным руководителем Ватикана, кардиналом Алтьери, в его только что отстроенном великолепном Palazzo Altieri на римской Площади иезуитов.

⁷¹ Гр. Д.А. Толстой так описывает переговоры посла с кардиналом: «Прежде папской аудиенции, кардинал Алтьери, племянник папы Климента X, имевший неограниченное на него влияние, вел долгие переговоры с Менезиусом... Объявлено, что он непременно должен поцеловать ногу у папы; если бы приехал к папе сам цесарь, или другой кто из государей, и не захотел поцеловать ноги папской, то и он не был бы допущен на аудиенцию к папе, толковали русскому послу. “Ногу папскую целовать мне запрещено”, отвечал Менезиус, “потому что мой государь не исповедует римско-католической веры; когда церкви греческая с латинскою были еще в соединении, тогда греки не целовали ногу у папы, а если папа непременно требует, чтобы я целовал его ногу, то я прошу отпустить меня из Рима”»⁵⁵. Кардиналу, продолжает Толстой, очень быстро пришлось пойти на уступки московскому послу: «Менезиусу было объявлено, что папа, видя его упорство, но дорожа союзом с русским государем, увольняет его от целования ноги, но советовали ему, по крайней мере, припав, поцеловать ризу папскую; русский посол отвечал, что, сообразно с данною ему инструкцией, он и ризы папской целовать не будет»⁵⁶.

⁷² Разногласия между Менезием и кардиналом Алтьери вызвал и другой вопрос церемониала: каким именно образом русский посол и предстоятель Св. Престола должны обмениваться грамотами? Менезий настаивал на вручении грамоты от царя Алексея лично в руки папе Клименту и точно таким же образом получить от него ответные бумаги. Папскому переговорщику и здесь пришлось пойти на компромисс: «Он (кардинал Алтьери. – *А.К.*) соглашается, чтоб папа собственноручно принял царскую грамоту и из собственных же рук вручил ответную; но под непременным условием целования ноги. Менезий продолжал упорствовать... Государственный секретарь пошел еще дальше: пусть “припадчи” поцелует хотя бы папину ризу»⁵⁷.

⁷³ Что же на деле имело место в ходе папской аудиенции 18 (28) августа 1674 г.? На основании изучения протоколов Ватикана и отчетов самого Менезия (они почти ни в чем не противоречат друг другу), Д.А. Толстой пишет следующее: «Церемонимейстеры, стоявшие по обе стороны посла, несколько раз брали его (Менезия. – *А.К.*) под руки и насильно заставляли преклоняться; но с подъячим его (Тарасовым. – *А.К.*) не справились, он ни разу не стал на колени, сказав им, что с грамотою царского величества неприлично стоять на коленях; они покачали головами, один из них подошел к кардиналу Алтьери сказать об этом упорстве, но

кардинал запретил его принуждать, и подъячий сделал папе обыкновенный поклон»⁵⁸.

⁷⁴ В целом, как свидетельствуют источники, русский посол произвел на папу самое выгодное впечатление. Отвечая на представление посла, Климент X заметил, что «радуется, что его (Менезия – А.К.) Государь прислал к нему мужа, украшенного столькими заслугами и достоинствами»⁵⁹. Папский церемонимейстер Петр Санктис Фанти отметил в дневнике, что «посланник был муж весьма благородного происхождения, католик, выдающейся учености, отличающийся осторожностью и обходительностью, родом шотландец и пользующийся большим почетом при дворе великого князя московского. Он одет не по-московски, а так как по нынешней моде одеваются Римские дворяне или по французской моде, благородной внешности и от всех много восхваляем»⁶⁰. А посол Венецианской республики при Папском престоле Пьетро Мочениго (прямой потомок и полный тезка великого адмирала и дожа), описывая прием папой посла московитов, отметил: «Добрые качества этого лица доставили ему одобрения Двора, так что все кардиналы послали его приветствовать, и он вследствие сего оказывается обязанным посетить всю Священную коллегия. Равным образом, французский посол счел за благо последовать примеру кардиналов и послал (к Менезию. – А.К.) одного из своих дворян. И я также, сообразуясь с поступком французского посла, отправился с приветственным поручением»⁶¹. Эти и другие подобные характеристики тем более удивительны, что, как мы убедились, Павел Менезий провел переговоры в Ватикане буквально *на грани дипломатического скандала*, и в этом, наверное, – высшая оценка умений и качеств посланника царя Алексея Михайловича.

⁷⁵ После успешной аудиенции у Климента X посол Менезий стал популярной фигурой в высших кругах Рима: посол Франции, герцог Франсуа-Аннибаль II д'Эстре, пригласил его на парадный обед; Менезий был представлен экстравагантной шведской королеве-католичке Кристине, чей салон был центром всего ученого Рима; кардиналы наперебой одаривали его ценными подарками (в том числе дорогими картинами). Наконец, сам папа пожаловал послу Менезию и подъячему Тарасову по золотой цепи, с медалью, на обеих сторонах которой находился портрет Климента X работы известного скульптора, лучшего ученика Альгарди и Бернини, Джироламо Лученти. Сам Менезий потом отмечал, что его цепь стоила не менее 500 ефимков (серебряных талеров, приравненных в Московии к рублю), но «тое цепь ради нужды своей отдал в Риме евреевину тайно за 300 ефимков»⁶².

⁷⁶ Окончив свою миссию, Павел Менезий выехал из Рима 20 (30) сентября 1673 г. и через Венецию, Вену и Берлин вернулся в Москву 28 марта 1674 г.

⁷⁷ По мнению Н.В. Чарыкова, Менезию принадлежит, во время этого посольства, заслуга осуществления интересного нововведения: Менезий, по собственному почину, «приговорил в службу великого государя постоянных, культурно-политических агентов в Риме, Венеции, Вене, Дрездене и Берлине»⁶³. Без сомнения, именно контакты с этой «агентурой» позволили Менезию упрочить, а потом удержать позиции в верхах Посольского приказа, в том числе и после опалы его «шефа» А.С. Матвеева.

⁷⁹ Еще до отъезда Павла Менезия с посольской миссией в Европу в Московском государстве началась череда важнейших событий, перенаправивших пути русской цивилизации. 1 февраля 1671 г. овдовевший царь Алексей, несмотря на скрытое противодействие ряда боярских кланов и старшей сестры Ирины Михайловны, женился вторым браком на Наталье Кирилловне Нарышкиной, с которой близко познакомился в «изыснейшем» (Я. Рейтенфельс), обставленном «на западный манер» московском доме Матвеева в Никольском (ныне Армянском) переулке. Европейски образованная девушка заинтересовала и увлекла немолодого самодержца, регулярно посещавшего дом друга Матвеева, и есть все основания полагать, что проведение многораундовых «смотрины невест» было лишь формальной данью обычаю.

⁸⁰ А под утро 30 мая (9 июня) 1672 г., в Теремном дворце Московского Кремля родился царевич Петр Алексеевич Романов, который с первых месяцев жизни находился под определяющим влиянием матери Наталии Кирилловны, бабки Анны Леонтьевны, деда Кирилла Полуэктовича, других Нарышкиных, резко увеличивших свой статус и, конечно, Артамона Матвеева и его жены-шотландки. Ситуация складывалась таким образом, что приближение в той или иной форме к этой, «нарышкинской», части царской Семьи Павла Менезия – рейтарского полковника и успешного дипломата, обласканного по возвращении из Европы самим Государем, было лишь делом времени.

⁸¹ Судя по всему, авторитетный в Немецкой слободе Менезий, близкий друг деда и бабки царевича Петра и старый наставник его матушки, стал в последние годы жизни царя Алексея главным связующим звеном для поставки в Теремной дворец из Немецкой слободы заморских «дикувинок» для маленького царевича. Историк В.О. Ключевский писал о раннем воспитании царевича: «Как только Петр стал помнить себя, он был окружен в своей детской иноземными вещами; всё, во что он играл, напоминало ему немца. Некоторые из этих заморских игрушек особенно обращают на себя наше внимание: двухлетнего Петра забавляли музыкальными ящиками, “цимбальцами” и “большими цимбалами” немецкой работы; в его комнате стоял даже какой-то “клевикорд” с медными зелеными струнами... С летами детская Петра наполняется предметами военного дела»⁶⁴.

⁸² Известно, что юный царевич Петр рос в окружении сверстников из семей, близких к «нарышкинской партии». Академик И.Е. Забелин приводит список этих т.наз. «робяток»: младшие братья царицы Натальи Кирилловны – Лев, Мартемьян и Федор Нарышкины; сын боярина Матвеева – Андрей Артамонович Матвеев; сын постельничего Ивана Семеновича Головкина – Гаврила Головкин; Автамон Головин и др.⁶⁵

⁸³ К четырехлетнему возрасту царевича (т.е. к последнему году жизни его отца) относится начало т.наз. «первого петровского полка». В своей книге «Царские дети и их наставники» (1912) известный историк Б.Б. Глинский пишет: «Замечая в своем бойком, подвижном и энергичном сыне особенное влечение к военному делу и воинским упражнениям, Алексей Михайлович озаботился придать его играм более правильный характер: он составил для него целый полк,

обмундировал его в зеленые мундиры, дал солдатикам знамена и ружья и снабдил их всяческими полковыми вещами; полк этот был назван по имени Петра – “Петров полк”, а сам царевич назначен был полковником; ему рапортовали по всем надобностям полка, от него же требовали и распоряжений. Государь лично наблюдал за приказаниями четырехлетнего полководца и руководил его действиями»⁶⁶. И уже четырехлетний царевич Петр взял за правило каждый вечер отчитываться перед царем-отцом за вверенное ему «подразделение».

⁸⁴ Такое направление «забав» царевича, отмечает Глинский, принесло юному Петру огромную пользу: «Он явился, так сказать, “первым кадетом” на Руси и первый прошел основательную школу воинского дела, курс военных наук. Курс этот изучался не на основании книжек, не с голоса учителей, а на живом деле, хотя и потешном, с участием живых людей... Здесь не было школьной скуки и стеснений, но вместе с тем вся постановка полка, его упражнения и обучение требовали от царевича сдержанности, умеренности и послушания, т.е. всего того, что мы называем воинской дисциплиной»⁶⁷.

⁸⁵ Еще акад. И.Е. Забелин сделал к многочисленным свидетельствам о «первом петровском полке» важное примечание: «Если детский полк, вооруженный, обученный, исполнявший формальности дисциплины, не мог же образоваться сам собою, при помощи одних детей, а *требовал руководителя*, учителя, фельдфебеля, то естественно предположить, что был же *этот учитель*, устроивший игру, обучавший полковым действиям и дисциплине не только малолетних солдат, но и самого трехлетнего полковника Петра... Весьма было бы любопытно знать имя первого учителя в воинских играх Петра, первого человека, который своими наставлениями, своим влиянием *не мог не оставить в воспитании ребенка более или менее заметного следа* (курсив везде мой. – А.К.)»⁶⁸.

⁸⁶ Источники свидетельствуют, что, с ведома не только родного деда, К.П. Нарышкина, но и самого отца-царя Алексея Михайловича, руководителем военных упражнений малолетнего царевича Петра и его «робяток» был не кто иной, как верный друг семьи, шотландский офицер-католик Павел Гаврилович Менезий. Б.Б. Глинский пишет: «Алексей Михайлович лично не мог, да и не умел правильно руководить упражнениями *Петрова полка*, устроенного на манер настоящих европейских, преимущественно немецких, полков, почему и поручил заботу о нем обитателю Немецкой слободы, шотландцу Менезиусу, человеку для своего времени образованному, умному, ловкому и очень много путешествовавшему»⁶⁹.

⁸⁷ «Вот этот-то Менезиус, – продолжает Глинский, – и поставил Петров полк на европейскую ногу и обучил полковника Петра Алексеевича всем тонкостям военного дела, в пределах, конечно, детского разума. В его школе малолетний полковник впервые почерпнул понятия о долге, о правильных занятиях и обязанностях службы. Являясь с рапортами к отцу-государю, он чувствовал себя не просто царевичем-сыном, но обыкновенным солдатом, несущим все тяготы военной службы. Это уже было большим шагом вперед в деле воспитания царского ребенка, – шагом, который поставил маленького Петра в совершенно иные условия жизни, нежели в каких были его дед, отец, брат в детском возрасте.

Он не распорядился только другими, капризничал или шалил, но учился слушаться, учился смотреть на себя, как на лицо, служащее своему государю. Петр уже в детском возрасте, не достигнув еще и семи лет, приучился видеть в своих военных играх не простую забаву и развлечение, но дело серьезное, требующее дальнейшего развития и усовершенствования, которым он с годами и отдал себя всецело, переходя от простых военных действий к более сложным и ответственным»⁷⁰.

⁸⁸ В своих воспоминаниях, которыми сам Павел Менезий поделился с французским дипломатом де Нёвиллем, он отмечал, что «царь Алексей Михайлович, видя, что наступает его смертный час (*se voyant moribond. – франц.*), объявил его гувернером (буквально: «*le déclara gouverneur*») молодого принца Петра, своего сына, при котором он постоянно находился до начала правления царя Иоанна»⁷¹.

⁸⁹ Еще акад. И.Е. Забелин, признавая сам факт «допущения» царем Алексеем Михайловичем инородца Павла Менезия к своему младшему сыну, относился, тем не менее, сугубо критически к самоназванию Менезия как «гувернера»: «Известие весьма сомнительное, если под словом “гувернер” разуместь дядьку-воспитателя, ибо в дядьки назначались люди, честные порою, обыкновенно из боярского круга. Даже и в учителя грамоте выбирали обыкновенно из русских и преимущественно из умных, тихих и толковых подьячих. Ни той, ни другой должности иностранец занять не мог, да и самая мысль об этом не могла прийти в тогдашние умы уже по одному отчуждению тогдашней жизни от всего иноземного»⁷².

⁹⁰ Однако Забелин делает в этом месте существенную оговорку: «Но, если среди прямых и положительных убеждений века такой факт (“дядьки-иноземца” при русском царевиче. – *А.К.*) был решительно невозможен, то существовала сторона быта, где иноземное легко допускалось и не смущало своим приближением строгих взоров старины. Эта сторона в царском домашнем быту принадлежала потехам, увеселениям и забавам, а также и детским играм. Сюда иноземное проникало свободнее под видом безделиц, не стоящих серьезного внимания»⁷³. Иначе говоря, Забелин полагал, что западные новшества «могли войти к нам только под видом игрушек, потех, вместе с игрушками и куклами привозными... Для подобной же потехи мог быть введен в хоромы малолетнего царевича Петра немец, обучавший его с сверстниками потешному ратному строю... В самом деле, кому ж было поручить образование маленького полка, как не немцу, да притом, как говорят, пользовавшемуся при Дворе уважением. Самый чин полковника, предполагает полк, устроенный на немецкую ногу, по образцу выборных солдатских и рейтарских полков, которые тогда были уже заведены и в которых начальные люди были большею частью из немцев же. Если бы полк устроен был по-русски, то Петр был бы назван воеводою, головою, а не полковником»⁷⁴.

⁹¹ Мнение акад. Забелина разделяет и самый информированный биограф Павла Менезия, историк и дипломат П.Н. Чарыков: «Царь Алексей Михайлович, по возвращении из Рима Менезия, допустил его к Петру, предоставил ему право давать советы в области “потех” царевича, преимущественно военных... и,

умирая, несомненно высказал желание, чтобы за Менезием были сохранены и впредь установленные царем отношения к Петру... Эти отношения имели характер не обязанности или официальной службы, а права и привилегии, предоставленных Менезию Алексеем Михайловичем, в виду свойства Менезия с Нарышкиными, старинной личной дружбы Менезия с дедом Петра, Кириллом Полуэктовичем, и деятельного покровительства Менезию со стороны А.С. Матвеева»⁷⁵.

⁹² Мнение о том, что именно шотландец-католик Павел Менезий сыграл исключительную роль в деле раннего воспитания царевича Петра Алексеевича, разделяют (на свой лад, разумеется) и историки «антизападнического» направления, критически относящихся к деятельности царя-реформатора. Так, Н.И. Костомаров пишет: «Царевича, по обычаю, окружили так называемыми “робятками” из ровесников, набранных из детей знатных родов; они составляли около него полк. Пётр, будучи трех лет от роду, играл с ними в “воинское дело”, а обучением и дисциплиной этого детского полка, по царскому поручению, назначен был иноземец Павел Гаврилович Менезиус. Родом он был шотландец, искатель приключений; в молодости шатался он по Европе, убил в Польше на дуэли мужа одной пани, с которой был в связи, был взят в плен русскими... Царь Алексей Михайлович любил Менезиуса, человека ловкого, бывалого, говорившего на многих языках... Мы не знаем подробностей обращения Менезиуса с царевичем, но ему принадлежит *зародыш той горячей любви к иноземнице* (курсив мой. – А.К.), которая начала проявляться у восприимчивого Петра ещё с детских лет»⁷⁶.

⁹³ Наиболее взвешенной в этой связи представляется позиция Н.В. Чарыкова: «Легкость, с которой Петр стал сблизиться с иностранцами из Немецкой слободы, нельзя не приписать, хоть отчасти, доброй памяти, оставленной иноземцем Менезием в душе Петра, на рассвете его сознательной жизни, и тому обстоятельству, что важнейшие из этих иностранцев – Гордон, Лефорт, Страсбург и др., были друзья и родственники Менезия. Можно также предположить, что Алексей Михайлович, предугадывая в Петре будущую опору государства, преобразование которого озабочивало царя и было в известной мере им начато, задумал, по совету Матвеева и Нарышкиных, дать царевичу воспитание более широкое, чем то, которым пользовались старшие царские дети, и через большее ознакомление Петра с Западной Европой лучше подготовить его к новым потребностям государственного управления. Весьма вероятно, что допущение к царевичу иностранца-наставника было самым смелым из тех нововведений, дальнейшее осуществление коих было прервано преждевременной кончиной Алексея Михайловича»⁷⁷.

⁹⁴ **Менезий в последние годы**

⁹⁵ Царь Алексей Михайлович ушел из жизни неожиданно, в 47 лет, оставив страну перед лицом больших испытаний. Есть, однако, основания полагать, что и при следующем царе, Федоре Алексеевиче, Павел Гаврилович Менезий сохранил свою роль при царевиче Петре.

⁹⁶ И.И. Голиков в своей классической биографии Франца Лефорта (1800) отметил особую роль Менезия в покровительстве молодому капитану Лефорту,

приехавшему в Москву весной 1676 г., т.е. уже после смерти царя Алексея и воцарения его сына Федора. Голиков пишет: «Датский резидент Г. Гоэ познакомил его (Лефорта. – *А.К.*) между прочим с Полковником *Менессесом* (Менезием. – *А.К.*), бывшим в службе царской и находившемся при Дворе в отличном уважении. Сему Полковнику и не стоило большого труда доставить ему в своем полку чин капитанский над ротой, состоявшей из 150 солдат с жалованьем по 120 рублей во время мира, и по 300 рублей во время военное»⁷⁸.

⁹⁷ Факт покровительства со стороны Менезия подтверждает и сам Лефорт в письме родным от 5 сентября 1676 г.: «Он (Менезий. – *А.К.*) человек очень важный (*un homme de grande réputation. – франц.*), который очень хорошо говорит по-французски и первенствует во всем (*est le principal de tout. – франц.*)... Это лицо, оказавшее мне много покровительства»⁷⁹. Из этих материалов ясно следует, что по крайней мере в первые месяцы после воцарения Федора Алексеевича полковник Павел Менезий сохранял сильные позиции при Дворе. Припоминая впоследствии годы знакомства с Лефортом, Менезий незадолго до смерти писал брату Лефорта в Женеву 13 (23) апреля 1693 г., ссылаясь на «честь тесной дружбы, которою Господь Бог связал меня с господином вашим братом, начиная с первых дней его прибытия в эту страну до сего времени»⁸⁰.

⁹⁸ Важный поворот темы наставничества юного Петра со стороны Павла Менезия обозначен в трудах А.С. Трачевского. Историк, разумеется, разделяет мнение, что «первым дядькой Петра был любимец Алексея Михайловича, расторопный, говорливый шотландец Менезиус, который навидался всего в своих скитаниях по Европе и знал языки. Он особенно занимал его воинскими “потехами”, которыми больше всего увлекался непоседливый мальчик...»⁸¹. Трачевский, однако, идет много дальше обсуждения «военных потех» и подчеркивает роль Менезия в деле овладения юным Петром и многообразными *гражданскими ремеслами*: «Петр недолго прозябал в затхлом тереме Кремлевского дворца: по смерти отца, когда ему было всего 4 года, Милославские сослали его с матерью в Преображенское. Там он прожил 13 лет. Но бойкий мальчик нередко выпрашивался у матери в другие “дворцовые царские села” под Москвой, – в Семеновское и особенно в Измайлово»⁸².

⁹⁹ Родовая вотчина Романовых, Измайлово, отмечает Трачевский, «славилось как образцовый хутор, где уже дед Петра, любитель иноземщины, Никита Романов применял новости сельского хозяйства... Петр рыскал по Измайлову, осматривая бесконечные службы и заведения хитрых иноземцев. Необыкновенно живой, впечатлительный, восприимчивый мальчик мучил всех неотвязными расспросами обо всем, что ни попадалось ему на глаза... Уцелели те липовые аллеи, по которым любил гулять царственный мальчик со своими наставниками»⁸³. И главным среди этих «учителей жизни» был, конечно, знаток европейских языков, всесторонне образованный Павел Гаврилович Менезий.

¹⁰⁰ Надо добавить, что полковник Менезий, в непростые для Московского царства 1670-е годы, неоднократно призывался в действующую армию, участвовал в военных походах, на целые месяцы разлучаясь со своим царственным воспитанником. Рассказывая позднее в Смоленске свою биографию французскому дипломату де Нёвиллю, Менезий сетовал на «происки» царевны-правительницы

Софьи и ее фаворита кн. В.В. Голицына, полагая, что те «не могли добиться, чтобы он перестал держать сторону Петра, заставив его отправиться на службу в Смоленск и совершить последний (крымский) поход, в надежде, что он там сгинет (dans l'espérance qu'il y périrait)»⁸⁴.

¹⁰¹ Только осенью 1689 г., после решающего воцарения Петра Романова на престоле русской державы, Павел Гаврилович Менезий, уже генерал-майор, окончательно обосновался в Москве, в своем новом доме в Немецкой слободе и, как следует из дневников его друга Патрика Гордона, более не отлучался из Москвы (к этому времени он уже был вторично женат, и у него росли три сына и дочь). Главной причиной потери активности Менезия стали, по-видимому, застарелые болезни, всю жизнь преследовавшие его после двух приступов жесточайшей лихорадки в 1673 г. в Италии.

¹⁰² Важной фигурой, с которой оказались связаны последние годы жизни Менезия, стал еще один его воспитанник – Автоном Михайлович Головин, один из первых русских генералов. Будучи на пять лет старше царя Петра, Головин был комнатным стольником еще маленького царевича, одним из «робыток», составивших первые «потешные» подразделения Петра⁸⁵. В 1692 г., царь Петр наградил Головина чином генерал-майора и должностью полковника 3-го Московского выборного полка: 1-м командовал Лефорт, а 2-м (Бутырским) – Гордон. Из полка генерала Головина и выросла русская гвардия: в первую очередь, полки Преображенский и Семёновский.

¹⁰³ Биограф Менезия, Н.В. Чарыков, убежден, что начальные навыки военной службы были выработаны у еще мальчика Головина их общим с будущим царем наставником – полковником рейтарской службы Павлом Гавриловичем Менезием. Не раз описанное в литературе неизменно уважительное и доверительное отношение Автонома Головина к иностранным специалистам, согласно Чарыкову, «выработалось в нем, как и в Петре, с детского возраста, благодаря участию Менезия в играх робыток... Менезий был назначен (по-видимому, летом 1692 г. – А.К.) как бы помощником к А.М. Головину, который знал его с детства и находился в числе робыток и позже стольников, которые, при участии Менезия в их военном обучении и обмундировании, образовал первый кадр этого самого Преображенского полка»⁸⁶.

¹⁰⁴ Действительно, в 1692–1694 гг. находившийся в том же чине, что и Головин, генерал-майор Менезий, уже часто хворавший, осуществлял функции «почетного инспектора» при шефе русской гвардии Автомоне Головине. Придумавший в свое время для детей «потешную» военную форму (зеленый мундир с желтым кушаком, ставшими цветами «преображенцев»), Менезий безусловно оставался и в начале 1690-х живым символом формирующейся профессиональной гвардии. Н.В. Чарыков пишет: «Хотя генерал-аншеф Гордон и Лефорт, произведенный в генерал-лейтенанты в сентябре 1691 г., обогнали чином Менезия, он, однако, продолжал составлять с ними часть одного и того же “кольца”, окружавшего Петра... Представляется в высшей степени вероятным, что, привлекая Гордона и Лефорта к участию в делах Преображенского полка и назначая зятя Гордона фон-Менгдена его командиром, а шотландца Чамберса

командиром Семеновского полка, Петр не оставил без дела и проживавшего в Москве Павла Менезия»⁸⁷.

¹⁰⁵ Опираясь на дневники Патрика Гордона, Чарыков утверждает, что посещения царем дома Менезия в Немецкой слободе 28-го мая, а потом 18-го сентября 1692 г. «можно поставить в связь с переменой в служебном положении Павла Менезия, которая должна была произойти около этого времени... Назначение Менезия помощником русского шефа (Преображенского) полка вполне соответствовало строго соблюдавшемуся тогда правилу»⁸⁸.

¹⁰⁶ Еще зимой 1694 г. дневники Гордона фиксируют некоторую активность генерал-майора и патриарха Немецкой слободы Менезия: 25 февраля он, например, крестил дочь старого сослуживца, полковника Семеновского полка Александра Вилимовича Шарфа⁸⁹. Однако, когда Гордон вернулся с царем из очередной поездки в Архангельск, он 14 сентября 1694 г. с тревогой записал в дневнике: «После полудня посетил генерал-майора Мензиса, который был опасно болен. Он дал мне бумагу за своей рукой и печатью, поручающую мне его 3 сыновей, дабы воспитывались в римско-католической вере и предающую проклятию тех, кто попытается отвратить любого из них или уговорит их принять иное убеждение»⁹⁰.

¹⁰⁷ Генерал-майор русской службы Павел Гаврилович Менезий скончался в возрасте 57 лет в своем доме в Немецкой слободе в субботу, 9 декабря 1694 г., в четверть седьмого утра, приобщившись перед тем у католического ксендза Св. Тайн, и призвав к себе земляка-единоверца Патрика Гордона, которого он узнал, но с которым уже едва мог говорить⁹¹.

¹⁰⁸ Кончина старого наставника глубоко опечалила 22-летнего царя Петра Алексеевича. Во вторник 12 декабря Гордон записал в дневнике: «Его Величество прибыл (в Немецкую слободу. – *А.К.*) и присутствовал на богослужении в нашей церкви (католическом костеле Петра и Павла. – *А.К.*). После этого обедал у меня»⁹². «Нам кажется несомненным, – пишет Чарыков, – что это богослужение, совершенное в будничнй день, было то, которым московские католики почтили своего заслуженного единовеца и заступника. В присутствии же царя на этом богослужении нельзя не видеть выражения особого благоволения к покойному и почтения к его памяти»⁹³.

¹⁰⁹ В своем биографическом исследовании о жизненном пути Павла Менезия Н.В. Чарыков написал: «В лице Менезия Петр прощался со своим детством и со своими потехами, первым свидетелем и участником которых был Менезий. Царь прощался с честным и преданным приближенным и доверенным своего отца, с первым иностранцем, которого он в своей жизни узнал и который открыл ему доступ в увлекательный круг своих, сплотившихся около Петра соотечественников, своих военных друзей. Из этого круга первым выбыл сам Менезий, и Петр, не испытывая той жгучей боли, которую вызвала в нем через пять лет смерть Лефорта и Гордона, выразил, однако, перед всеми питаемые им к Менезию чувства благодарности и уважения»⁹⁴.

¹¹⁰ В пятницу 15 декабря 1694 г. в Москве состоялась небывалая по своей торжественности церемония погребения Павла Гавриловича Менезия на

«иноверческом» кладбище в Марьиной роще. В том церемониале обращает на себя внимание следующий факт. Когда в Москве в Немецкой слободе в 1699 г. хоронили сначала Лефорта (в марте, в голландской реформатской церкви), а затем Гордона (в ноябре, в католическом костеле), в строй были выведены для первого – три морских полка (Лефорт, как известно, носил чин адмирала), а для второго – его Бутырский полк, однако не было частей ни от Преображенского, ни от Семеновского полков.

111 На погребение же Менезия было наряжено по три роты от каждого солдатского полка, т.е. от Преображенского, Семеновского, Бутырского (Гордоновского) и Лефортовского, составившие «4 швадрона» (батальона), т.е. по одному батальону трехротного состава от каждого из полков. Переводчик и комментатор дневников Патрика Гордона Д.Г. Федосов подчеркивает: «Похороны генерал-майора Мензиса отличались небывалой торжественностью, – даже на погребении Лефорта и самого Гордона в 1699 г. преображенцев и семеновцев не было»⁹⁵.

112 **Заключение**

113 Итак, именно высокообразованный шотландец-аристократ, католик по вероисповеданию, Павел Гаврилович Менезий стал *первым иностранцем*, близко приближенным к юному царевичу Петру Алексеевичу Романову, будущему Петру Великому, совершившему радикальный цивилизационный поворот в судьбе России. Можно согласиться с лучшим из биографов Менезия Н.В. Чарыковым в том, что «корень сочувствия, уважения и доверия Петра к иностранцам можно найти в том обстоятельстве, что Петр, будучи еще ребенком, первый из русских царевичей, видел, на заре своей сознательной жизни, вблизи себя, при своих играх, иноземца, облеченного доверием и расположением Царя и Царицы, старательно и верно служившего им и ему, и обладавшего теми незаурядными умственными и нравственными достоинствами, которыми отличался Павел Менезий»⁹⁶.

114 Согласно тому же Чарыкову, именно Павел Гаврилович Менезий многие годы представлял центр сплотившейся вокруг молодого Петра иноземной общины в Москве. «Лучшие из служивших в Москве иностранцев, – отмечает Чарыков, – составляли в детские годы Петра, около Менезия, как первенствующего лица, тот тесный, отборный иноземный круг, из которого выдвинулись все главные первые иностранные военные друзья и сотрудники Петра. Состав этих лиц определился первоначально, помимо выбора или воли Петра, самой принадлежностью их к означенному Менезиевскому кругу, унаследованному Петром от отца и брата, и той тщательной взаимной поддержкой, которую члены этого круга оказывали друг другу в силу родства, свойства и nepoтизма»⁹⁷.

115 Чарыков убедительно показывает, что в 1676–1680-х гг. именно Менезий «сохранял первенство в рассматриваемом кругу», которое формально сохранялось за ним вплоть до его кончины в 1694 г., хотя на деле это первенство постепенно перешло к обогнавшему его по службе Патрику Гордону (1680–1692 гг.). «С назначением же Лефорта на должность командира первого выборного полка 20-го марта 1692 года, на которую претендовал Гордон, первенство в дружбе Петра, но

не в душевном расположении и уважении иноземцев Немецкой слободы, перешло окончательно к Лефорту»⁹⁸.

116 Н.В. Чарыков задумывался и о том, что было бы, если Павел Гаврилович Менезий, первый и наиболее образованный из наставников царя Петра Романова, прожил бы дольше. И он приходит к следующему выводу: «Вдумываясь в характер Менезия, невольно кажется, что, если бы мягкий и рассудительный Павел остался дольше вблизи царевича, многие шероховатости характера Петра Великого не проявились бы, и его знакомство с Немецкой слободой принесло бы ему больше пользы и меньше вреда»⁹⁹.

Remarks:

1. См. нашу старую «аналитическую антологию»: *Кара-Мурза А.А., Поляков Л.В.* Реформатор. Иваново: Фора, 1994.
2. *Головнёв А.В.* Петровская Россия: северное измерение // Кунсткамера, 2022, № 1 (15). С. 30, 41.
3. *Кара-Мурза А.А.* Карамзин, Шаден и Геллерт. К истокам либерально-консервативного дискурса Н.М. Карамзина // Филология: научные исследования. 2016. №1(21), С. 101–106.
4. См.: *Гузевич Д.Ю.* Захоронения Гордона и Лефорта. Могилы, кладбища, церкви. Мифы и реалии. СПб.: Европейский дом, 2013.
5. *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника (ред. Ю.М. Лотман, Н.А. Марченко, Б.А. Успенский). Л.: Наука, 1984. С. 239–241.
6. *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении (ред. Ю.С. Пивоваров). М.: Наука, 1991. С. 36.
7. *Петрухинцев Н.Н.* Раннее европейское влияние на Петра I: Патрик Гордон и Франц Лефорт в конце XVII в. // *Questio Rossica*, 2017, № 1. С. 200.
8. *Чарыков Н.В.* Павел Менезий. Его дипломатическая и военная служба при Московском дворе и предполагаемое наставничество при Петре Великом (часть первая) // Исторический вестник, 1900, № 11 (ноябрь). С. 517–518; *Чарыков Н.В.* Посольство в Рим и служба в Москве Павла Менезия. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1906. С. 8–9.
9. *Шмурло Е.Ф.* Посольство Менезия к папскому двору // Журнал Министерства народного просвещения, 1901, ч. СССXXXIII, № 2 (февраль). С. 435.
10. *Чарыков Н.В.* Посольство в Рим. С. 9.
11. *Платонов С.Ф.* Москва и Запад в XVI–XVII вв. Л.: Сеятель, 1925. С. 9–10.
12. *Гордон П.* Дневник [I]. 1635–1659. М.: Наука, 2005. С. 9.
13. Там же.
14. *Чарыков Н.В.* Посольство в Рим. С. 10.
15. *Neuville F.* Relation curieuse et nouvelle de Moscovie, contenant l'état present de cet Empire, les expeditions des Moscovites en Crimée en 1689, les causes des dernieres revolutions, leur moeurs et leur religion... Paris, 1698. P. 50.
16. *Чарыков Н.В.* Павел Менезий (часть первая). С. 520.
17. Там же.
18. Там же.
19. *Гордон П.* Дневник [II]. 1659–1667. М.: Наука, 2002. С. 105.
20. Там же.
21. Там же. С. 105–106.

22. Там же. С. 106.
23. Там же. С. 106–107.
24. Там же. С. 107.
25. Там же. С. 118.
26. *Бобровский П.О.* История лейб-гвардии Преображенского полка. Т. 1. СПб.: Экспедиция государственных бумаг, 1900. С. 74.
27. *Петрухинцев Н.* «Финансы войны» и офицерский корпус полков «нового строя» в военной реформе Алексея Михайловича (1663) // *Quaestio Rossica*, 2014, № 2. С. 269.
28. Там же. С. 274.
29. *Ключевский В.О.* Петр Великий, его наружность, привычки, образ жизни и мысли, характер // Ключевский В.О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М.: Правда, 1990. С. 174.
30. *Лизек А.* Сказание Адольфа Лизека о посольстве от императора римского Леопольда к великому царю московскому Алексею Михайловичу, в 1675 году (пер. с лат. И. Тарнава-Боричевский). СПб.: тип. Императорской АН, 1837. С. 41–42.
31. *Чарыков Н.В.* Посольство в Рим. С. 520.
32. *Чарыков Н.В.* Посольство в Рим. С. 519.
33. *Платонов С.Ф.* Москва и Запад в XVI–XVII вв. С. 10.
34. *Чарыков Н.В.* Посольство в Рим. С. 521.
35. *Шмурло Е.Ф.* Посольство Менеция к папскому двору. С. 418.
36. Там же.
37. Там же. С. 418–419.
38. Там же. С. 419.
39. *Толстой Д.А.* Римский католицизм в России. СПб.: тип. В.Ф. Демакова, 1876, т. 1. С. 100.
40. *Шмурло Е.Ф.* Посольство Менеция к папскому двору. С. 421, 422.
41. *Чарыков Н.В.* Посольство в Рим. С. 647.
42. *Брикнер А.Г.* Лаврентий Рингубер // Журнал Министерства народного просвещения, 1884, ч. ССXXXI, № 2 (февраль). С. 399–464.
43. Списки дипломатических лиц русских за границей и иностранных при Русском дворе (сост. С.А. Белокуров). Вып. 1. М.: тип. Э. Лиснера и Ю. Романа, 1892. С. 40; *Шмурло Е.Ф.* Посольство Менеция к папскому двору. С. 436.
44. *Чарыков Н.В.* Посольство в Рим. С. 32.
45. Там же. С. 672.
46. Там же.
47. Там же. С. 672–673.
48. Путешествие в Москву Рафаэля Барберини в 1565 г. // Сказания иностранцев о России в XVI–XVII веках. СПб, 1843. С. 1–64.
49. *Чарыков Н.В.* Посольство в Рим. С. 672.
50. Там же. С. 47.
51. *Толстой Д.А.* Римский католицизм в России. С. 100–101.
52. Там же. С. 101–102.
53. *Шмурло Е.Ф.* Посольство Менеция к папскому двору. С. 453.

54. Там же. С. 454.
55. *Толстой Д.А.* Римский католицизм в России. С. 102.
56. Там же.
57. *Шмурло Е.Ф.* Посольство Меназия к папскому двору. С. 454.
58. *Толстой Д.А.* Римский католицизм в России. С. 102–103.
59. *Чарыков Н.В.* Посольство в Рим. С. 673.
60. Там же.
61. Там же.
62. Там же. С. 46.
63. *Чарыков Н.В.* Посольство в Рим. С. 647.
64. *Ключевский В.О.* Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М.: Правда, 1990. С. 151.
65. *Забелин И.Е.* Детские годы Петра Великого // Опыт изучения русских древностей и истории. Исследования, описания и критические статьи Ив. Забелина. Ч. I. М.: изд. К. Солдатенкова, 1872. С. 18–19.
66. *Глинский Б.Б.* Царские дети и их наставники. Исторические очерки для юношества. 2-е изд. СПб.–М.: изд. М.О. Вольф, 1912. С. 14–15.
67. Там же. С. 15.
68. *Забелин И.Е.* Детские годы Петра Великого. С. 21.
69. Там же. С. 15.
70. Там же. С. 16.
71. Цит. по: *Чарыков Н.В.* Посольство в Рим. С. 51.
72. *Забелин И.Е.* Детские годы Петра Великого. С. 21–22.
73. Там же. С. 22.
74. Там же. С. 23–24.
75. *Чарыков Н.В.* Посольство в Рим. С. 647.
76. *Костомаров Н.И.* История России в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: Эксмо, 2009. С. 618–619.
77. *Чарыков Н.В.* Посольство в Рим. С. 71.
78. *Голиков И.И.* Историческое изображение жизни и всех дел славного женева, Франца Яковлевича (Франциска Иякова) Лефорта. М.: Университетская тип., 1800. С. 16.
79. Цит. по: *Чарыков Н.В.* Посольство в Рим. С. 49–50.
80. Там же. С. 49.
81. *Трачевский А.С.* Русская история. 2-е изд., ч. 2, СПб.: изд. К.Л. Рикера, 1895. С. 61.
82. Там же.
83. Там же.
84. Цит. по: *Чарыков Н.В.* Посольство в Рим. С. 51.
85. *Забелин И.Е.* Детские годы Петра Великого. С. 19.
86. *Чарыков Н.В.* Посольство в Рим. С. 641.
87. Там же.
88. Там же.

89. Там же. С. 643.
90. *Гордон П.* Дневник (V). 1690–1695. М.: Наука, 2014. С. 296.
91. Там же.
92. Там же.
93. *Чарыков Н.В.* Посольство в Рим. С. 644.
94. Там же. С. 644.
95. *Гордон П.* Дневник (V) 1690–1695. М.: Наука, 2014. С. 564 (прим.).
96. *Чарыков Н.В.* Посольство в Рим. С. 647.
97. Там же. С. 647-648.
98. Там же. С. 675.
99. Там же. С. 71.
-

References:

1. Bobrovskij P.O. Istoriya lejbgvardii Preobrazhenskogo polka. T. 1. SPb.: Ekspediciya gosudarstvennyh bumag, 1900. 408 s.
2. Brikner A.G. Lavrentij Ringuber // ZHurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya, 1884, ch. CCXXXI, ¹ 2 (fevral'). S. 396421.
3. Glinskij B.B. Carskie deti i ih nastavniki. Istoricheskie ocherki dlya yunoshestva. 2-e izd. SPb.M.: izd. t-va M.O. Vol'f, 1912. 332 s.
4. Golikov I.I. Istoricheskoe izobrazhenie zhizni i vsekh del slavnogo zhenevca, Franca YAKovlevicha (Franciska Iyakova) Leforta. M.: Universitetskaya tip., 1800. 307 c.
5. Golovnyov A.V. Petrovskaya Rossiya: severnoe izmerenie // Kunstkamera, 2022, ¹ 1 (15). S. 30, 41.
6. Gordon P. Dnevnik [I]. 16351659 (per. s angl., primech. D.G. Fedosova). M.: Nauka, 2005. 278 s.
7. Gordon P. Dnevnik [II]. 16591667 (per. s angl., primech. D.G. Fedosova). M.: Nauka, 2002. 314 s.
8. Gordon P. Dnevnik [V]. 16901695 (per. s angl., primech. D.G. Fedosova). M.: Nauka, 2014. 620 s.
9. Guzevich D.YU. Zahoroneniya Gordona i Leforta. Mogily, kladbishcha, cerkvi. Mify i realii. SPb.: Evropejskij dom, 2013. 334 s.
10. Zabelin I.E. Detskie gody Petra Velikogo // Opyty izucheniya russkih drevnostej i istorii. Issledovaniya, opisaniya i kriticheskie stat'i Iv. Zabelina. CH. I. M.: izd. K. Soldatenkova, 1872. S. 150.

11. Kara-Murza A.A. Karamzin, SHaden i Gellert. K istokam liberal'no-konservativnogo diskursa N.M. Karamzina // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2016. ¹1(21), S. 101106.
12. Kara-Murza A.A., Polyakov L.V. Reformatör. Russkie o Petre I. Opyt analiticheskoy antologii. Ivanovo: Fora, 1994. 320 s.
13. Karamzin N.M. Zapiska o drevnej i novoj Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnoshenii (red. YU.S. Pivovarov). M.: Nauka, 1991. 130 s.
14. Karamzin N.M. Pis'ma russkogo puteshestvennika (red. YU.M. Lotman, N.A. Marchenko, B.A. Uspenskij). L.: Nauka, 1984. 718 s.
15. Klyuchevskij V.O. Istoricheskie portrety. Deyateli istoricheskoy mysli. M.: Pravda, 1990.
16. Klyuchevskij V.O. Petr Velikij, ego naruzhnost', privychki, obraz zhizni i mysli, harakter // Klyuchevskij V.O. Istoricheskie portrety. Deyateli istoricheskoy mysli. M.: Pravda, 1990 (626 s.). S. 174192.
17. Lizek A. Skazanie Adol'fa Lizeka o posol'stve ot imperatora rimskogo Leopold'a k velikomu caryu moskovskomu Aleksiyu Mihajlovichu, v 1675 godu (per. s lat. I. Tarnava-Borichevskij). SPb.: Tip. Imperatorskoj AN, 1837. 68 s.
18. Petruhincev N.N. Rannee evropejskoe vliyanie na Petra I: Patrik Gordon i Franc Lefort v konce XVII v. // Questio Rossica, 2017, ¹ 1. S. 198218.
19. Petruhincev N. «Finansy vojny» i oficerskij korpus polkov «novogo stroya» v voennoj reforme Alekseya Mihajlovicha (1663) // Quaestio Rossica, 2014, ¹ 2. S. 263292.
20. Platonov S.F. Moskva i Zapad v XVIII v. L.: Seyatel', 1925. 155 s.
21. Pogodin M.P. Semnadcat' pervyh let v zhizni imperatora Petra Velikogo. M.: tip. V.M. Frish, 1875. 455 s.
22. Puteshestvie v Moskvu Rafaelya Barberini v 1565 g. // Skazaniya inostrancev o Rossii v XVIII vekah. SPb, 1843. S. 164.
23. Rejtenfel's YA. Skazanie o Moskovii // Utverzhdenie dinastii. M.: Rita-print, 1997. C. 231406.
24. Sbornik vypisok iz arhivnyh bumag o Petre Velikom. T. 1. M.: Universitetskaya tipografiya, 1872. 422 s.
25. Sedov P.V. Zakat Moskovskogo carstva: Carskij dvor konca XVII veka. SPb.: Dmitrij Bulanin, 2006. 604 s.

26. Sedov P.V. Pravyashchaya elita Russkogo gosudarstva 1660-1680-h gg. // Pravyashchaya elita Russkogo gosudarstva IX nachalo XVIII v. Ocherki istorii. SPb., 2006. S. 406-469.
27. Solov'ev S.M. Istoriya Rossii s drevnejshih vremen. 2-e izd. Kniga tret'ya. SPb.: Tvo «Obshchestvennaya pol'za», 1850. 800 s.
28. Spiski diplomaticeskikh lic russkikh za granicej i inostrannyh pri Russkom dvore (sost. S.A. Belokurov). Vyp. 1. M.: tip. E. Lissnera i YU. Romana, 1892. 95 s.
29. Tolstoj D.A. Rimskij katolicizm v Rossii. T. 1-2. SPb.: tip. V.F. Demakova, 1876. 554 s.
30. Trachevskij A.S. Russkaya istoriya (2-e izd.), ch. 2, SPb.: izd. K.L. Rikera, 1895. 638 s.
31. CHarykov N.V. Pavel Menezij. Ego diplomaticeskaya i voennaya sluzhba pri Moskovskom dvore i predpolagaemoe nastavnichestvo pri Petre Velikom (chast' pervaya) // Istoricheskij vestnik, 1900, ¹ 11 (noyabr'). S. 510-537.
32. CHarykov N.V. Pavel Menezij Ego diplomaticeskaya i voennaya sluzhba pri Moskovskom dvore i predpolagaemoe nastavnichestvo pri Petre Velikom (chast' vtoraya) // Istoricheskij vestnik, 1900, ¹ 12 (dekabr'). S. 935-968.
33. CHarykov N.V. Posol'stvo v Rim i sluzhba v Moskve Pavla Meneziya. SPb.: tip. A.S. Suvorina, 1906. 775 s.
34. SHmurlo E.F. Posol'stvo Meneziya k papskomu dvoru // ZHurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya, 1901, ch. CCCXXXIII, ¹ 2 (fevral'). S. 418-454.
35. Neuville F. de la. Relation curieuse et nouvelle de Moscovie, contenant letat present de cet Empire, les expeditions des Moscovites en Crimée en 1689, les causes des dernieres revolutions, leur moeurs et leur religion, le recit dun voyage de Spatarus par terre a la Chine. Paris: Pierre Aubouyn, Libraire de Messeigners les Enfans de France, et Charles Clouzier, Quay des Augustins a la Croix dOr, 1698. - 234 p.

Цивилизационный выбор. Шотландский аристократ Пол Мензис (Павел Гаврилович Менезий) – первый наставник царя-реформатора Петра Романова

Кара-Мурза Алексей Алексеевич

Институт философии РАН

Российская Федерация, 109240 Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

Аннотация

В статье исследуется роль шотландского аристократа Пола Мензиса (Павла Гавриловича Менезия) (1637–1694) в деле раннего воспитания русского царя-реформатора Петра Алексеевича Романова. Прослеживается история появления молодого шотландца-северянина, получившего в Европе блестящее образование, в Московском царстве, его военная и дипломатическая карьера. Высказывается мнение, что особое место, занятое Павлом Менезием в старомосковской элите, было обусловлено не только безусловными интеллектуальными способностями, но, главным образом, близостью к «канцлеру» Артамону Матвееву и новому тестю царя Алексея Михайловича – К.П. Нарышкину и его семейству, в первую очередь, к матери Петра – Наталье Кирилловне Нарышкиной. Роль Мензиса-Менезия в становлении «северо-европейского» мироощущения молодого Петра Романова подтверждаются беспрецедентными почестями, которые были оказаны царем Петром при погребении Павла Менезия на «иноверческом» кладбище в Марьиной Роще в 1694 г.

Ключевые слова: Россия, Пол Мензис (Павел Гаврилович Менезий), царь Алексей Михайлович, Петр Алексеевич Романов, Нарышкины, православие, «западничество»

Дата публикации: 11.08.2024

Ссылка для цитирования:

Кара-Мурза А. А. Цивилизационный выбор. Шотландский аристократ Пол Мензис (Павел Гаврилович Менезий) – первый наставник царя-реформатора Петра Романова // Полилог/Polylogos. – 2024. – Т. 8. – № 2. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110031760-8-1/>. DOI: 10.18254/S258770110031760-8